

МАРИЯ ШТЕЙНМАН*

«И РАЗЛИЧАЙ ДОБРО И ЗЛО»**

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ СВЯТОСЛАВА КАСПЭ
ОБ ОНТОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Каспэ С. И. Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа
ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ, 2016.

Рассуждения о политической форме и политическом зле, изложенные в книге Святослава Каспэ, зачастую оказываются парадоксальными по форме и вдохновляющими по сути. Пожалуй, именно это и является лучшим, что могло бы случиться с читателем. Нам необыкновенно повезло, ибо сложнейшие вопросы и аспекты политического обретают чеканное и выразительное воплощение. Еще один аспект, важность которого сложно переоценить, — это тот факт, что за теоретическими выкладками стоят крайне близкие мне размышления автора, который подчеркивает в предисловии: «...на самом деле вся эта книга — почти столько же о России, сколько о теории» (Каспэ, 2016: 2).

Эта внутренняя логика определяет и композицию книги. Первая и вторая главы глубоко погружают читателя в различные аспекты политической формы и крайне сложного и неоднозначного вопроса о политическом зле и возможности борьбы с ним. Третья же и четвертая главы — своего рода зеркальный ответ на поставленный вопрос и формулировка парадоксального, но действенного способа спасения общества, о чем можно судить уже по заглавиям — «Против автономного субъекта: как нельзя и как можно исправить политическую форму» и «Пустое место: демократия как политическая форма».

Видимо, следует признаться сразу: постановка вопроса в первых двух главах производит настолько сильное впечатление, что именно на них и хочется сделать акцент.

*Штейнман Мария Александровна, к. филол. н., доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права Историко-архивного института РГГУ, philology@mail.ru.

**© Штейнман, М. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Итак, глава первая — о политической форме. Она вполне парадоксально начинается с четкой и аргументированной фиксации факта: сколько-нибудь внятных и развернутых определений понятия политической формы до сих пор не существует. Политическая форма, таким образом, оказывается своего рода научной ризомой, бесконечно расширяющейся в пространстве смыслов¹.

Еще один важный момент: размышления о политической форме являются продолжением работы «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма» (Каспэ, 2008). То есть перед нами своего рода развернутый авторский комментарий, получивший самостоятельную академическую жизнь.

Политическая форма тесно, возможно даже неразрывно связана с понятием метафоры: «...те, кто употребляет понятие „политическая форма“, подразумевают под ним некую пространственную метафору власти, раскрывающую ее субстанциальные и конститутивные характеристики» (Каспэ, 2016: 12). Здесь сложно не заметить любопытного пересечения смыслов. Возможно, вопрос о существовании политической формы обладает сходством с предложенной Бахтиным концепцией хронотопа. Точнее, к понятию хронотопа близка работа «Центры и иерархии...» (Каспэ, 2008). Характерно, что Бахтин также рассматривал хронотоп в контексте метафоры: «Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности. Мы перенесем его сюда [...] почти как метафору» (Бахтин, 2000: 9). Насквозь метафоричны и признаки хронотопа:

...имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем (там же: 10).

Хронотоп — так же, как и политическая форма, — представляет собой своего рода свидетельство эпохи и движения истории.

Объединенные время и пространство литературной реальности вполне коррелируют, как представляется, с обретающей форму пространственной метафорой реальности политической (там же: 13). Хронотоп литературный и хронотоп политический — возможно ли такое сопоставление?

¹Подобно *Armillaria ostoya*, — да простит меня автор за рискованное сравнение, — колоссальной грибнице площадью почти 10 квадратных километров в штате Орегон, США, которая является самым крупным живым организмом на нашей планете.

Думается, что вполне, — поскольку сам автор, рассуждая о тождестве метафоры и реальности, подчеркивает: «...метафора и есть реальность; реальность и есть метафора» (Каспэ, 2008: 21). Конечно, знак равенства можно поставить далеко не всегда, а лишь в тех случаях, когда речь идет о явлениях, по отношению к которым различие «реальности и тропа» не представляется возможным. И далее — «метафоры функционируют как нерасчленимые, базовые, имманентные человеческому мышлению способы символической организации реальности» (там же).

Тут не может не привлечь к себе внимание вопрос о политической форме как метафоре. Нелишне отметить, что метафора здесь изначально помещена в контекст не сугубо филологический, но скорее философский и социологический. На первый план выходит не образный, а понятийный и смысловой аспекты метафоры. Если же предположить вслед за автором, что процесс функционирования метафоры представляет собой замкнутый на себе и практически бесконечно длящийся процесс, по цитируемой Каспэ формулировке Александра Филиппова, «балансирования между прямым и переносными смыслами» (Каспэ, 2016: 13), то тогда остается предположить, что наша смысловая реальность насквозь метафорична. И это, признаться, многое объясняет.

В свою очередь, метафора представляет собой явление настолько всеобъемлющее и непростое, что его сложно ограничить только одним предметным полем (например, филологией или философией). Метафоры пронизывают практически любую сферу гуманитарного знания. Более того, Ф. Анкерсмит усматривает метафору в сфере юриспруденции. Вслед за Джеймсом Бойдом Уайтом он подчеркивает, что «статуты, инструкции и законы не служат [...] правилами поведения граждан; скорее, они „определяют набор тем, парадигм или метафор, задающих рамки для осмысления социального действия“» (Анкерсмит, Кралечкин, 2014: 300). Таким образом, метафора проявляет себя и в законодательстве.

Отдельно Анкерсмит говорит о способности метафоры генерировать смыслы, упоминая так называемую генеративную метафору Дональда Шена (там же: 306). Более того, генеративные метафоры тесно связаны с нарративом. Отсюда Анкерсмит выводит следующую цепочку:

...нарративы состоят из высказываний; каждое из этих высказываний описывает социально-историческую реальность и воплощает дескриптивное значение рассматриваемого нарратива. Вместе взятые они устанавливают индивидуальную метафорическую точку зрения, с которой политик или историк предлагают нам смотреть на часть социально-исторической реальности (там же: 308).

Итак, метафора формирует реальность, — и Каспэ, сосредотачивая свое внимание на политических метафорах, придает особую важность вечным и абсолютным метафорам, «интегрированная композиция» которых и составляет политику (Каспэ, 2016: 17): метафорам центра, периферии и вертикали, или иерархии.

И здесь практически невозможно оставить без внимания взгляды на иерархию и ценности, транслируемые Клайвом Степлзом Льюисом — писателем и богословом, которого наряду с братьями Стругацкими Каспэ неоднократно цитирует в своей книге. Как медиевист, Льюис имел свое представление о том, что он называл «идеей иерархии»:

Согласно этому представлению, в мироздании объективно присутствует некая шкала ценностей. Надо всем, кроме Бога, есть нечто высшее по природе; подо всем, кроме бесформенной материи, есть нечто по природе низшее. Благо, счастье и достоинство каждого существа состоят в повиновении высшему и в главенстве над низшим. [...] Справедливость или несправедливость того или иного главенства всецело зависит от природы участвующих сторон, а вовсе не от общественного договора (Льюис, Эшпле, 2015: 547).

Идея иерархии существует как бы в двух проекциях — общественной и вселенской. Здесь Льюис опирается на шекспировского «Троила», где Улисс размышляет о том, что «стоит нам забыть о „ранге“ (degree), как „все в мире столкнется в сплошном противоборстве“, начнет господствовать „сила“ (strength), все вокруг „сведется к грубой силе“ (power)» (там же: 549). Именно поэтому для Льюиса возможен парадоксальный вывод: «Единственная реальная противоположность иерархии — тирания; тому, для кого нет авторитета, придется подчиняться грубой силе» (там же).

От политической метафоры один шаг до политического мифа, однако Каспэ его не делает — по крайней мере, в этой книге. Впрочем, можно сказать, что политический миф в тексте скрывается в тени концепции политического зла. Он, в частности, проявляется в системе гиперссылок к творчеству братьев Стругацких и роману Клайва Льюиса с характерным названием «Мерзейшая мощь», который тоже представляет собой одну из мощнейших метафор политической власти XX столетия. Наделив политический миф свойствами фигуры умолчания, Каспэ получает возможность концентрировать внимание на политической форме как его проявлении и политическом зле как его компоненте.

Метафора политической вертикали тесно связана с концепцией ценностей и с противоположной ей концепцией политического зла. Поискам

ответа на вопрос о том, что же представляет собой политическое зло, и посвящена вторая глава.

При всей исключительной сложности проблемы природы политического зла необходимо признать: Каспэ удается вынести сугубо философский и богословский аспекты за скобки своего исследования, сохранив при этом — внимание — аспект этический.

Политическое зло проявляется через социальный акт, возможный лишь при наличии социальных порядков, которые затем превращаются в порядки политические. Они, в свою очередь, программируют социальное поведение (Каспэ, 2016: 61). Политическое зло же проявляет себя через отрицание ценностей и разрушение политического порядка. При этом «дорогу злу открывают и дефицит защиты от зла, и чрезмерная защита от него» (там же: 71). Особенно это касается такого специфического аспекта, как различие легитимного и нелегитимного насилия.

Но сама по себе связь насилия и политической власти вторична. Первична «власть нормативной символизации» (там же: 84), то есть власть ценностей. Иными словами, истинное поле битвы с политическим злом располагается в сознании людей. И здесь, естественно, вспоминается одна из сильнейших метафор власти XX в., созданная Евгением Шварцем в его пьесе «Дракон» (1942–1944) и расширенная в экранизации Марка Захарова «Убить дракона» (1988), где, как мы помним, драконоборцу Ланселоту приходится осознать, что недостаточно уничтожить материальное воплощение политического зла: необходимо «убить дракона в себе».

Поскольку радикального зла, по мысли Каспэ, не существует, то зло нерадикальное, политическое, вполне может быть уничтожено. И сделать это можно лишь при условии сохранения способности различения добра и зла², поскольку «специфически политическое зло начинается там и тогда, где и когда метаполитические — т. е. этические — критерии различения добра и зла как таковых подменяются собственно политическими» (там же: 85).

Однако истинная опасность подстерегает там, где политическое берет на себя функцию различения добра и зла. Во-первых, это чрезвычайно удобно для ведения политических дискуссий — ибо в полном соответствии с архаическим сознанием «иногое» (т. е. политического оппонента)

²В скобках отметим, что здесь нельзя не оценить двухступенчатую аллюзию, заложенную автором, — на вынесенную в заголовок рецензии строку из стихотворения Афанасия Фета — «и различай добро и зло», — которое, в свою очередь, отсылает к Книге Бытия.

можно и нужно воспринимать не как «другого» (полноправного участника диалога), но как «врага» и, более того, — как нелюдя, нечеловека, на которого не распространяются нормы и правила поведения. В этом случае, по формулировке Е. М. Мелетинского, «чудовища уступают место иноплеменникам и иноверцам, но и последние еще сохраняют мифологические атрибуты» (Мелетинский, 2001: 91).

Во-вторых, присвоив себе функцию различения добра и зла, политическое получает крайне выгодную для себя возможность производства новых ценностей, где этический компонент вытеснен и заменен интересами политических групп. В этом случае воистину происходит «перекодирование этического» (Каспэ, 2016: 87).

Собственно, путям борьбы с политическим злом и посвящены третья и четвертая главы книги. Разговор об автономном субъекте и специфике демократии обладает совершенно особой степенью важности для нашей политической реальности, что заслуживает отдельной дискуссии.

Пока что лишь обозначим ключевую метафору: «...демократия имеет форму тора», или, как поясняет сам автор, бублика (там же: 151). Пустота в ее центре значима, поскольку она одна обладает той необходимой степенью сакральности, без которой — нравится нам это или нет — невозможна ни одна форма политической власти. Крайне важно при этом то, что окружающие пустоту различные формы и институты демократии сакральностью не обладают. Возможно, именно здесь и заключен залог высокой сопротивляемости демократической формы политическому злу, ибо «разделение властей расчищает центр» (там же: 153). Как следствие, ни одна партия, ни одна политическая группа и ни одна элита не могут претендовать на сакральность центра. Но что же тогда располагается в самом центре?

И вот здесь разговор автора с читателем достигает наивысшей степени откровенности (если не откровения). Каспэ предполагает, что «демократический народ обозначает место Бога и в то же время оставляет его пустым» (там же: 166), то есть не претендует на статус собственной сакральности, а политические лидеры, в свою очередь, не узурпируют права говорить от имени народа³. Именно поэтому «для демократической власти свято место и должно быть пусто — потому что это не ее

³Прекрасная пародия на подобную узурпацию создана Стругацкими в «Сказке о Тройке», где присвоившие власть бюрократы выражают личную позицию, говоря о себе исключительно в третьем лице наподобие «народ хочет».

место» (Каспэ, 2016: 167). Только в этом случае в сфере политического остается место для неполитических ценностей, для этики, для человека.

И тогда кажется вполне оправданной возникшая было у читателя ассоциация «пустого центра» демократии с *Sanctum Sanctorum* (в оригинале — *Кодэш ха-Кодашим*) — святая святых Скиннии собрания и затем Иерусалимского храма, где хранился Ковчег завета. А. С. Пушкин в оде «Вольность» предложил сходную формулировку в обращении к владыкам: «Вечный выше вас Закон», — писал он. И был прав.

ЛИТЕРАТУРА

- Анкерсмит Ф. Р.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности / пер. с англ. Д. Ю. Кралечкина. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Бахтин М. М.* Эпос и роман. — СПб. : Азбука, 2000.
- Каспэ С. И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. — М. : Московская школа политических исследований, 2008.
- Каспэ С. И.* Политическая форма и политическое зло. — М. : Школа гражданского просвещения, 2016.
- Льюис К. С.* Предисловие к «Потерянному Раю» // Избранные работы по истории культуры / пер. с англ. Н. В. Эшпле. — М. : Новое литературное обозрение, 2015. — С. 460–532.
- Мелетинский Е. М.* О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии / под ред. Е. М. Мелетинского. — М. : РГГУ, 2001. — С. 73–150.

Shteynman, M. A. 2017. "I razlichay dobro i zlo' ['And Recognizing Good and Evil']: retsenziya na novuyu knigu Svyatoslava Kaspe ob ontologii politicheskogo [A Review of Svyatoslav Kaspe's New Book on Ontology of the Political]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] I (4), 198–205.

MARIYA SHTEYNMAN

PHD IN PHILOLOGY; ACCOCIATE PROFESSOR IN THE COMMUNICATION STUDIES AND PUBLIC AFFAIRS DEPARTMENT AT THE HISTORY, POLITICAL SCIENCE AND LAW SCHOOL, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW)

“AND RECOGNIZING GOOD AND EVIL”

A REVIEW OF SVYATOSLAV KASPE'S NEW BOOK ON ONTOLOGY OF THE POLITICAL

KASPE, S. I. 2016. *POLITICHESKAYA FORMA I POLITICHESKOYE ZLO* [POLITICAL FORM AND POLITICAL EVIL] [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: SHKOLA GRAZHDANSKOGO PROSVESHCHENIYA

REFERENCES

- Ankersmit, F. R. 2014. *Eстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и тсенности* [Aesthetic Politics: Political Philosophy beyond Fact and Value] [in Russian]. Trans. from the English by D. Yu. Kralechkin. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki.
- Bakhtin, M. M. 2000. *Epos i roman* [Epic and Novel] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Azbuka.
- Kaspe, S. I. 2008. *Tsentry i iyerarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma* [Centers and Hierarchies: Spatial Metaphors of Power and the Western Political Form] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
- . 2016. *Politicheskaya forma i politicheskoye zlo* [Political Form and Political Evil] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.
- L'yuis, K. S. [Lewis, C. S.] 2015. "Predisloviye k 'Poteryannomu Rayu' [A Preface to 'Paradise Lost']" [in Russian]. In *Izbrannyye raboty po istorii kul'tury* [Selected Works on the History of Culture], trans. from the English by N. V. Epple, 460–532. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Meletinskiy, Ye. M. 2001. "O proiskhozhdenii literaturno-mifologicheskikh syuzhetnykh arkhетipov [On the Genesis of Literal and Mythological Plot Archetypes]" [in Russian]. In *Literaturnyye arkhетipy i universalii* [Literary Archetypes and Universals], ed. by Ye. M. Meletinskiy, 73–150. Moskva [Moscow]: RGGU.